

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“РОЛЬ НАУКИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПАНДЕМИЙ
И ПОСТКРИЗИСНОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА”

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ И МИРЕ
В ПЕРИОД ЭПИДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

© 2022 г. В. А. Тишков^{а,*}, М. Л. Бутовская^{а,**}, В. В. Степанов^{а,***}

^а Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

*E-mail: valerytishkov@mail.ru

**E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

***E-mail: eawarn@mail.ru

Поступила в редакцию 27.03.2022 г.

После доработки 02.04.2022 г.

Принята к публикации 24.04.2022 г.

Статья написана на основе доклада, представленного на Научной сессии Общего собрания РАН (Москва, 15 декабря 2021 г.). В ней с антропологических позиций анализируется реакция социума на пандемию в России и других странах мира. Рассматриваются особенности поведения и психологической реакции жителей разных регионов, профессиональных групп и этнокультурных общностей с учётом пола, возраста, культурных характеристик (коллективизм—индивидуализм, свобода—жесткость, дистанция власти). Особое внимание уделяется фобиям и общественной активности в период пандемии, обсуждается возрастающая роль национальных государств в преодолении последствий пандемии. Представленные результаты исследования могут быть использованы в качестве дополнительного источника информации для принятия эффективных мер по окончательному преодолению пандемии и, что особенно важно, её негативных социальных и политических последствий.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, Россия, тревожность и дистресс, эмпатия, кросскультурные исследования, пандемийные фобии, общественный активизм, роль государства.

DOI: 10.31857/S0869587322080163

Мировая эпидемия коронавируса (COVID-19) ещё продолжается, однако по прошествии более чем двух лет борьбы с этим злом уже очевидно, что важнейшим фактором успеха являются не только специфические медицинские мероприятия, но и адекватная реакция людей на предписания правительств по предотвращению распространения заболевания, а также культурно-обу-

словленное восприятие тем или иным обществом подобных глобальных вызовов. Вера в эффективность принимаемых на государственном уровне мер, ощущение личного риска, укрепление чувства социальной ответственности и многие другие социальные феномены способствуют улучшению условий профилактики и предотвращения распространения инфекции. Текущий опыт

ТИШКОВ Валерий Александрович — академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель ИЭА РАН. БУТОВСКАЯ Марина Львовна — член-корреспондент РАН, заведующая центра кросскультурной психологии и этологии человека ИЭА РАН. СТЕПАНОВ Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЭА РАН.

борьбы с пандемией в России и за рубежом показал, что достижение гражданской поддержки предпринимаемых мер является такой же ключевой целью, что и создание противоэпидемических препаратов.

Социально-культурные последствия пандемии явно будут более продолжительными, чем сама эпидемия. Они изменят тактику и стратегию властей в отношении профилактических мер и прививок от всевозможных заболеваний, общественные предубеждения о вакцинировании взрослых и детей, санитарные правила при пересечении границ государств, требования соблюдать предосторожность в местах массового скопления людей и практику повседневного общения на личностном и коллективно-профессиональном уровнях. Нет сомнений, что опыт общественного поведения на фоне пандемии, а также политику национальных государств в отношении её преодоления необходимо тщательно изучать в целях предупреждения биологических и других угроз глобального масштаба.

В настоящем исследовании с антропологических позиций анализируются общественная реакция на пандемию в России и других странах мира, особенностями восприятия новой ситуации представителями разных регионов, возрастных и профессиональных групп, этнокультурных общностей. Обсуждается возрастающая роль национальных государств в деле преодоления негативных социальных и политических последствий пандемии. Мы обобщили результаты нескольких исследований, проведённых социальными антропологами на разных этапах развития пандемии. В 2019–2020 гг. изучались особенности поведения и психологические реакции населения в условиях её первой волны в четырёх регионах России и на кросс-культурном уровне в 23 странах мира. Затем в последние месяцы 2021 г., то есть в период беспрецедентного усиления эпидемической нагрузки, анализировалась ситуация в регионах России, связанная с формированием общественных страхов и фобий, и на этой основе дана их оценка.

ТРЕВОЖНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В РОССИИ. ПЕРВАЯ ВОЛНА

Данные по первой волне коронавируса свидетельствуют о региональных различиях по мерам противодействию эпидемии. Психологическое состояние и реакция людей на её распространение и вводимые местными властями ограничения в период первой волны проанализированы на примере четырёх российских регионов, включая Москву, Татарстан, Ростовскую область и Ханты-Мансийский автономный округ [1]. Эти регионы были выбраны в качестве примеров, поскольку различались между собой по динамике принима-

емых мер со стороны региональных властей. Пока в Москве постепенно вводились всё новые запреты и ограничения вплоть до полного локдауна через три недели после выявления первого пациента с ковидом, в остальных регионах власти действовали более решительно. Несмотря на гораздо меньшую статистику заболеваемости в целом, Татарстан, Ростовская область и ХМАО раньше установили режим самоизоляции. В Республике Татарстан локдаун был введён через две недели после выявления первого случая заболевания, в ХМАО – через 12 дней, в Ростовской области – через неделю.

Данные были получены в интервале с 29 апреля по 21 июня 2020 г., общая выборка составила 1903 человека, в том числе 232 в Москве, 362 в Республике Татарстан, 1023 в Ростовской области, 286 в Ханты-Мансийском автономном округе. В основном респондентами являлись студенты вузов. Следует отметить, что на момент проведения исследования Москва выделялась на фоне трёх других регионов наибольшим количеством выявленных случаев и смертей вследствие COVID-19, а самые низкие показатели отмечались в ХМАО. Для оценки уровня тревожности использовался опросник ГТР-7 [2] (GAD-7) в адаптированной версии (опросник ГТР-7, 2013). Он включал 7 пунктов, описывающих симптомы тревожности и генерализованного тревожного расстройства (ГТР) на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Оценка тревоги производилась по 4-балльной шкале Ликерта (от 0 – “совсем не” до 3 – “почти каждый день”), баллы по всем пунктам в дальнейшем суммировали, что позволило составить представление об уровне тревожности: 0–4 – минимальный, 5–9 – умеренный, 10–14 – средний, 15–21 – высокий.

В целом по обобщённой российской выборке мужчины демонстрировали достоверно более низкий уровень тревожности по сравнению с женщинами ($\chi^2 = 52.079$, $df = 3$, $p = 0.0001$, $n = 1901$) (рис. 1 а, б). Высокий и средний уровень тревожности выявлен у 20% женщин и лишь у 12% мужчин. Норма (низкий уровень тревожности) по этому показателю отмечена у 68% мужчин и 49% женщин. Сравнение четырёх выборок показало, что самая значительная доля респондентов с высоким уровнем тревожности была в ХМАО (10.49%), а самая низкая – в Ростовской области (4.50%). Больше всего респондентов с минимальным уровнем тревожности встречалось в Ростовской области (59.82%), а меньше всего – в Москве (34.91%). Достоверные гендерные различия по ГТР-7 определялись по каждому региону, и всюду уровень тревожности женщин был устойчиво выше, чем мужчин.

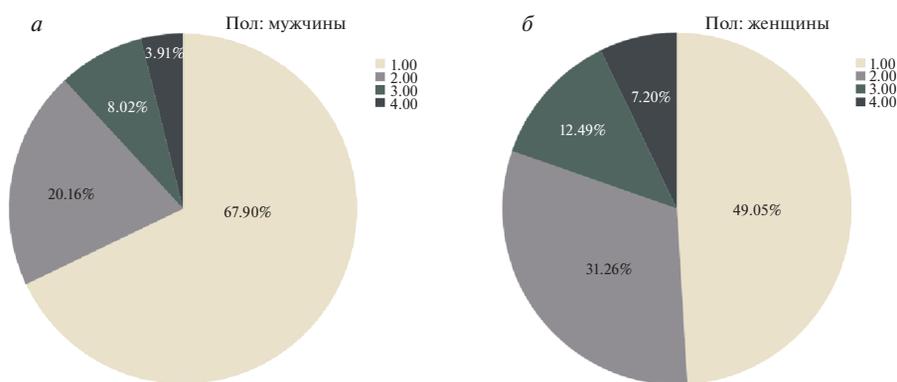

Рис. 1. Уровень тревожности по опроснику ГТР-7 мужчин (а) и женщин (б)
 1 – минимальный уровень тревожности; 2 – умеренный уровень тревожности;
 3 – средний уровень тревожности; 4 – высокий уровень тревожности

Кросс-культурные данные по 23 странам мира (общая выборка составила 15375 человек), собранные по идентичной методике [3], также показали, что женщины более тревожны по сравнению с мужчинами (Хи-квадрат = 258.53, ст. св. = 3, $p = 0.0001$, $n = 15342$). Самые высокие показатели тревоги отмечались в Бразилии, Ираке, Канаде и США. Следует отметить, что в целом показатели тревожности в условиях пандемии оказались выше, чем в предшествующий период [4]. Значимый фактор уровня тревожности – возраст, с годами он снижался у обоих полов.

ЭМПАТИЯ И СОПЕРЕЖИВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В РОССИИ. ПЕРВАЯ ВОЛНА

Исключительный интерес для исследователей представляет вопрос об эмпатии и склонности к взаимопомощи в условиях пандемии [4, 5]. Под эмпатией понимается реакция отклика на переживания другого человека. Для её измерения использовались три шкалы многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса (Interpersonal Reactivity Index, IRI) (децентрация, то есть способность преодолевать эгоцентризм мышления, эмпатическая забота и эмпатический дистресс, то есть состояние, при котором человек не может полностью адаптироваться к стрессовым факторам и вызванному ими стрессу и демонстрирует дезадаптивное поведение) [6] в адаптации Н.А. Будаговской с соавторами [7]. Шкала децентрации оценивает способность восприятия, понимания и принятия в расчёт точки зрения другого человека; шкала эмпатической заботы оценивает чувства сопереживания, направленные на другого (симпатии, сочувствия, жалости, желания помочь); шкала эмпатического дистресса оценивает негативные чувства, возникающие в ответ на страдания и переживания другого, и стремление

избавиться от них любым путём ради своего спокойствия. Все три шкалы были проанализированы в качестве зависимых переменных методом множественного ковариационного анализа в рамках общей линейной модели, где в качестве независимых переменных выступали пол и регион, а в качестве ковариаты – возраст респондентов.

Результаты анализа показали, что связь между независимыми переменными и значениями по шкале “децентрация” пренебрежительно мала, поэтому данные по этой шкале могут быть проигнорированы. Средние баллы по шкале “эмпатическая забота” были достоверно ассоциированы с полом ($F = 32.848$, $p = 0.0001$, $\eta = 0.02$, $n = 1903$), однако эти различия обнаружались только в двух регионах (Татарстан и Ростовская область) (рис. 2 а). Баллы по шкале “эмпатический дистресс” были ассоциированы с полом ($F = 118.307$, $p = 0.0001$, $\eta = 0.06$, $n = 1902$) и регионом ($F = 10.185$, $p = 0.0001$, $\eta = 0.02$, $n = 1902$) (рис. 2 б). Хотя эффекты по этой шкале были невелики, всё же полученные данные позволяют говорить о том, что в условиях пандемии женщины демонстрируют более высокий уровень эмпатической заботы, чем мужчины, и сильнее реагируют на страдания других. Кроме того, наши результаты свидетельствуют о том, что уровень эмпатического дистресса зависит от культурных установок и мотиваций. Обращает на себя внимание тот факт, что женщины-москвички давали достоверно более высокие оценки по шкале “эмпатический дистресс”, нежели женщины из других регионов. Мужчины-москвички по уровню эмпатического дистресса достоверно превосходили жителей Татарстана и Ростовской области, но не отличались от мужчин из ХМАО.

Данные кросс-культурного исследования по 23 странам мира [5] так же показали достоверно более высокую самооценку по всем трём шкалам эмпатии у женщин по сравнению с мужчинами.

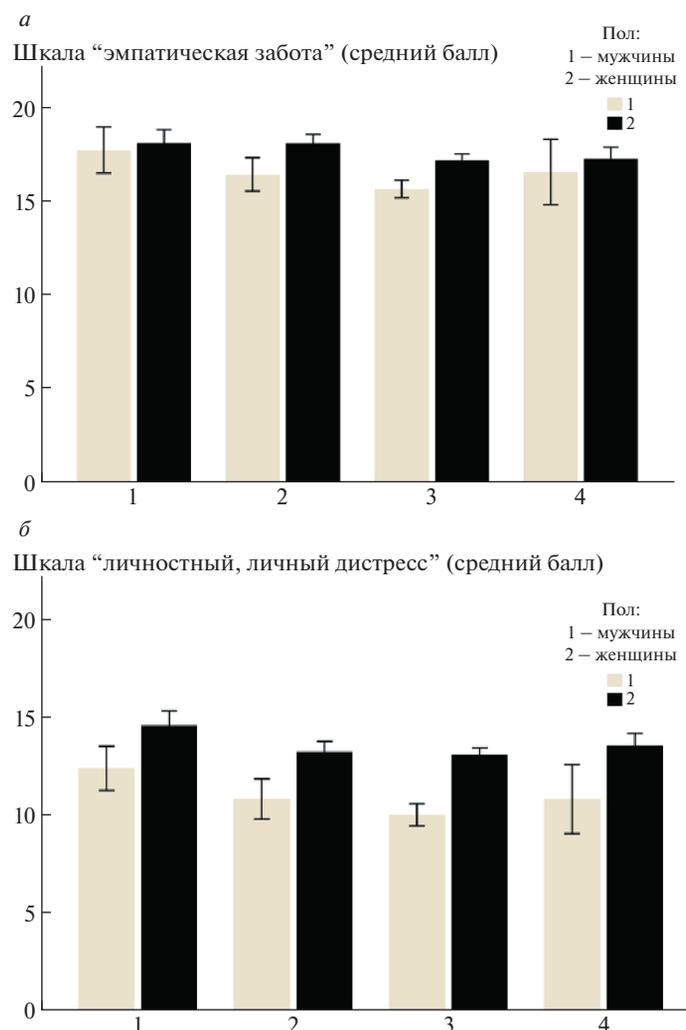

Рис. 2. Средние баллы по шкале “эмпатическая забота” (*a*) и шкале “эмпатический дистресс” (*б*) опросника эмпатии М. Дэвиса для мужчин и женщин из четырёх регионов России 1 – Москва, 2 – Татарстан, 3 – Ростовская обл., 4 – ХМАО (Error Bars: 95% CI)

Максимальные рейтинги по шкале децентрации были получены для США, Бразилии, Италии, Хорватии, по эмпатической заботе в условиях локдауна первой волны пандемии – для США, Бразилии, Венгрии, Италии и Индонезии, а по шкале эмпатического дистресса – для Бразилии, Турции, Италии и Индонезии.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ И МОРАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В ПРЕОДОЛЕНИИ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Культурные измерения, в частности оцениваемые по шкалам индивидуализма–коллективизма и дистанцированность власти (индекс описывает наличие социальной иерархии и её влияние на взаимодействие между людьми и на функциони-

рование социальных институтов) [8], а также по шкале “жесткость–свобода” М. Гельфанд [9], оказывали значимое влияние на психологическое состояние людей в условиях пандемии. В проекте по 23 странам [3, 5] показано, что респонденты из стран с высоким уровнем индивидуализма отличались наибольшей тревожностью (Канада, Италия). Напротив, коллективистские страны (Таиланд, Индонезия, Малайзия, Нигерия) демонстрировали значимо более низкий уровень тревожности в период первой волны COVID-19. Респонденты из стран с высоким уровнем свободы (Канада, Италия) сообщали о выраженных симптомах тревожности в отличие от участников опроса из более “жестких” стран (Индонезия, Иордания, Нигерия).

Страны, для которых характерен высокий уровень индивидуализма (Италия, США, Венгрия),

получили самые высокие баллы по шкалам эмпатической децентрации и эмпатической заботы, что отличает их от коллективистских стран (Малайзия, Танзания, Иордания, Бразилия). Максимальный уровень эмпатического дистресса продемонстрировала коллективистская Турция. В странах с высокими баллами по дистанции власти (Саудовская Аравия, Ирак, Россия, Белоруссия) обнаружился относительно более низкий уровень эмпатической децентрации и эмпатической заботы в сравнении со странами с меньшей дистанцией власти (Канада, США, Венгрия, Италия).

Другое значительное по территориальному охвату исследование, проведённое американскими специалистами в 50 штатах, а также данные кросс-культурного исследования с охватом 67 стран мира также указывают на важную роль культурных факторов, измеряемых по шкале “коллективизм—эгоизм”, в принятии или противодействии правительственным мерам по профилактике распространения пандемии [10].

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРАХОВ

Для оценки состояния общественных отношений в условиях пандемии в октябре-ноябре 2021 г., когда отмечался беспрецедентный рост числа заболевших, мы провели опрос экспертов более чем в 40 регионах России, включая все федеральные округа. Численность опрошенных экспертов составила более 1.2 тыс. и включала в равной пропорции учёных, представителей региональной и местной власти, общественных и религиозных организаций. В целях соблюдения исследовательской этики мы намеренно не опрашивали медицинских работников. Инструментарий исследования опирался на единую для всех регионов анкету, разработанную ИЭА РАН и Сетью этнологического мониторинга. В анкете предусматривался не только выбор из стандартных вариантов ответа, но и возможность высказать своё мнение по каждому вопросу в свободной форме.

Адресованные экспертам вопросы касались наличия либо отсутствия у жителей соответствующих российских регионов страхов, опасений и предубеждений, связанных с эпидемией. Выяснялись мнения о влиянии на общественные настроения в условиях пандемии средств массовой информации, социальных сетей, а также политических партий, общественных и религиозных организаций. Затрагивались и проблемы благосостояния и занятости жителей обследуемых регионов, их опасений по поводу роста цен и утраты рабочих мест. Также обсуждались риски социальных конфликтов под влиянием протестной активности и меняющегося отношения местного населения к трудовым мигрантам. Отметим, что на стадии проектирования данного исследования

выявился любопытный факт: более адекватную картину общественных фобий, связанных с ковидом, оказалось легче получить не из опросов населения, а на основе социологического обобщения мнений экспертов, так как они в силу профессиональной и должностной необходимости регулярно сталкиваются с общественными реакциями на пандемию.

Эксперты оценивали состав и меру распространения в обществе страхов, обусловленных пандемией. О наличии и широком хождении таких фобий заявили 79.3% экспертов, об их отсутствии 12.3%, 8.3% затруднились ответить. Во всех обследованных российских регионах самым массовым оказался страх заболеть коронавирусом. Этот вывод подтверждают данные ВЦИОМа: опасения заболеть коронавирусом испытывали в 2021 г. 60% совершеннолетних россиян, а в период всплеска заболеваемости в октябре и ноябре эти страхи ещё более усилились. Лишь очень небольшая часть населения не была озабочена опасностью подхватить вирус, а тех, кто отрицал существование вируса как такового, оказалось крайне мало.

Тревожность по поводу коронавирусной инфекции снижалась в летние периоды, когда многие люди отправлялись отдыхать. Затем страхи возвращались, особенно усиливаясь под воздействием информации о появлении новых штаммов, а также мер о запрете передвижения и социальных контактов, вводимых правительствами разных стран и регионов.

На фоне тотальных страхов, поведенческая реакция россиян, как и жителей других стран, оказалась крайне противоречивой. С одной стороны, снижалась территориальная мобильность населения, в особенности сократилось количество поездок на дальние расстояния, причём не только вследствие целенаправленных ограничений со стороны региональных властей, но и из-за нежелания самих людей совершать регулярные поездки. В то же время не наблюдалось снижения числа желающих совершать эпизодические поездки в другой регион и другие страны на отдых. Значительные обороты внутрироссийского туризма, как и устойчивость зарубежных турпоездов, подтвердила официальная статистика. На протяжении 2021 г. только турецкую Анталию посетили более 3.5 млн россиян, то есть несколько процентов населения России. В 2020 г. при весеннем общероссийском локдауне число турпоездов за рубеж сократилось в разы, но по итогам года оно составило внушительную цифру — 12.4 млн. В 2021 г. количество заграничных путешествий если и сократилось, то ненамного.

Невзирая на сообщения о банкротстве туристических компаний, данная форма экономической деятельности осталась широко востребован-

ной, в российском турбизнесе, как и прежде, в разгар пандемии было занято более 1 млн человек, и это без учёта субъектов малого предпринимательства. Парадоксально, что именно желание совершать туристические поездки, которые объективно способствуют распространению коронавируса, подвигает немалую часть россиян к необходимости делать себе прививки. Так что, с одной стороны, туристическая активность несёт в себе эпидемические угрозы, а с другой – служит проводником профилактических мероприятий и укрепления общественных представлений о социально ответственном поведении.

Тем не менее следует признать, что образцы ответственного поведения не стали общественной нормой. Не только скептики (таковых явное меньшинство), но и те, кто обеспокоен опасностью эпидемии, зачастую не отказывали себе в поездках, во многих других формах доэпидемического образа жизни – продолжали частые контакты с окружающими, не использовали медицинские маски, не соблюдали прочие санитарно-гигиенические требования. Опасаясь болезни, люди в то же время не желали менять привычный образ жизни. Принято считать, что более других игнорировала профилактические ограничения молодёжь. Однако исследование показало, что и представители средних возрастных когорт часто проявляли безответственность. Исключение составляли люди пожилого возраста, которые старались выполнять профилактические правила. Можно заключить, что личные интересы большинства населения противостояли не только противоэпидемическим требованиям, но и личным фобиям. Это парадоксальное противоречие в ряде случаев стало источником массовой невротизации, социального напряжения и спорадического проявления агрессии.

Модель общественных страхов, порождённых пандемией, представляет собой не просто конгломерат крайне противоречивых убеждений, но также их явную субординацию. Доминирующее положение, как уже сказано, в общественном сознании занимает опасение заболеть. Причём подобные страхи нередко проявляются тем сильнее, чем ниже заболеваемость в том или ином регионе. Это особенно характерно для малых региональных сообществ в провинции, где доступ к медицинскому обслуживанию затруднён.

Но и доступность лечебных учреждений не ослабляет страхи, хотя несколько иного рода. На втором месте по частоте оказались фобии, связанные с медицинской. Общественное доверие к медицине особенно заметно снизилось в первые месяцы и в периоды некоторого ослабления эпидемии. Поэтому люди закупали разные лекарственные препараты, порой за большие деньги, чтобы самостоятельно оказать себе помощь. Не

только в провинциальных городах и сельской местности, но и в крупных агломерациях циркулировали слухи, что при усилении эпидемии медицинская помощь окажется недоступной. Самой обсуждаемой стала тема вакцинации, и здесь средний российский обыватель мало чем отличался от обывателя французского, английского, голландского и прочих. Имели хождение полярные мнения, возникли страхи типа “если не привиться, то все умрём”. Поначалу они получили умеренное распространение, практически нигде не достигли панического уровня, но усиливались по мере того, как становилось понятно, что эпидемия может стать постоянным спутником человечества, что будут появляться всё новые опасные штаммы.

Однако в ещё большей мере распространялись фобии об опасности самой вакцины. В районах Крайнего Севера эти страхи проявились причудливым образом: вместо вакцинации люди стремились самоизолироваться. В отдалённых улусах Якутии жители, в прежние годы ратовавшие за то, чтобы их чаще посещали вертолётные бригады врачей, теперь не желали их видеть. На Камчатке в период переписи населения, совпавшей с пандемией, люди старались быстрее переписаться и уехать в отдалённую местность на традиционные промыслы, “где нет других людей и инфекции”.

В формировании антипрививочных настроений можно, конечно, усмотреть умысел, связанный с недобросовестной конкуренцией на международном рынке вакцин. Но нельзя отрицать и общественную податливость к восприятию антивакцинной пропаганды. Со второй половины 2021 г., когда в России началась активная прививочная кампания, многие делали прививку не по собственному желанию, а для того чтобы получить сертификат о вакцинации, зачастую – под нажимом работодателей. Не доверяя медицинским препаратам, как сообщили некоторые опрошенные эксперты, “работники муниципалитетов и госслужащие оформляли фиктивную прививку, попросту покупая справку”. Как ни удивительно, когда после летних отпусков уровень заболеваемости стал быстро расти, усилились и антипрививочные настроения. Значительная часть населения стала бояться вакцинации больше, чем опасности заразиться. Этот феномен эксперты объясняли недостаточной просвещённостью различных групп населения. Но и широкая “осведомлённость” людей, очевидно, также сыграла отрицательную роль. Нужно учитывать, что к моменту широкого внедрения вакцин эпидемия длилась уже почти два года и многие люди непосредственно столкнулись с заболеванием. Те, кто переболел в лёгкой форме, а также те, кто был в контакте с заболевшими и не заразился, полагали, что болезнь их более не затронет. Неверию в опасность коронавируса способствовали и сооб-

щения в СМИ о том, что новая инфекция в скором времени превратится в обычное сезонное заболевание.

Противники вакцинации охвачены разными предрассудками, порой перевешивающими опасения заразиться коронавирусной инфекцией. В Интернете циркулировали слухи о том, что, мол, “прививка ухудшит иммунитет”. Но это мягкая форма неприятия вакцинации. Распространялись и более радикальные представления: антиковидная прививка якобы представляет угрозу здоровью, она “может заразить” тем же коронавирусом, “вызвать другие болезни”, “спровоцировать не только осложнение, но и смерть”. В Дагестане муссировались слухи о том, что неминуемая кончина наступит через два года после прививки. Негативную роль сыграли не только слухи, но и некоторые электронные СМИ, сообщавшие о якобы всеобщем сопротивлении прививочной кампании со стороны жителей тех или иных российских регионов. Имеются отечественные и зарубежные исследования, проливающие свет на технологию избыточной и ложной информационной нагрузки на население в условиях глобальных рисков для достижения политических и военных целей [11]. Распространялись и конспирологические “теории” не только о будто бы намеренном ограничении через вакцину деторождения, но и её влиянии на генетику человека. Вакцинацию наделяли эсхатологическими свойствами, пытались утверждать, что она “сама по себе есть зло” и “предвестник конца света”.

Часть опрошенных экспертов видит причину вакцинных фобий в излишне либеральной в России политике иммунизации. По их мнению, государству следует проводить вакцинацию более директивно, как это было в советские годы, и не муссировать тему добровольности.

ПРОБЛЕМА ОТРИЦАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЙ ПРИВЫЧНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Невзирая на легкодоступные данные о распространении эпидемии в России и за рубежом, даже в разгар заболеваемости, когда и статистики не требовалось, чтобы убедиться в масштабе бедствия, часть обывателей продолжала отрицать само наличие эпидемии. Одни нигилисты стремились убедить окружающих, что никакого коронавируса нет вообще, другие — что нет эпидемии, третьи — что от болезни можно защититься, если не слушать врачей. На этой волне пожинали плоды общественного внимания и зарабатывали предприимчивые блогеры, всевозможные целители, политические активисты, общественники, религиозные деятели, представители шоу-бизнеса. Политическая критика в адрес России также увязывалась с отрицанием опасности ковида и

сомнением в действенности и безопасности российской вакцины.

Некоторые опрошенные эксперты поясняли, что такой нигилизм связан с общим падением уровня образования в стране. Это можно признать верным, но лишь отчасти, поскольку отрицание эпидемии и вакцины встречалось и среди лиц с высшим образованием, а также и среди некоторых медицинских работников. Проблема отрицания оказалась комплексной, поскольку её адептами являются представители разных слоёв населения, разных культурных и религиозных сообществ. Нельзя не заметить и влияния религиозного фактора, что, в частности, проявилось в массовом отрицании опасности пандемии в северокавказских регионах.

Проблема общественного отрицания эпидемии и противодействия профилактическим мерам выводит на нечто большее, чем только необходимость преодоления конкретных предрассудков. Эклектичное и вроде бы бессистемное облако социальных фобий проявило себя на разных этапах эпидемии как удивительно устойчивое общественное явление, быстро и находчиво генерирующее аргументы “против” железобетонных аргументов “за”. Казалось бы, распространение официальных сведений о численности заболевших и умерших от ковида должно убедить население в необходимости профилактических мероприятий. Но такая информация, будучи широко известной, не оказала решающего воздействия на людей, что подтверждено официальными цифрами медленного прироста численности привитых. Телерепортажи из так называемых красных зон отделений реанимации в больницах, рассказы врачей и пациентов об опасности заболевания, активная социальная реклама под лозунгом “Вакцинируйся!”, как предполагалось, должны были поколебать общественные предубеждения. Но это происходило далеко не всегда.

Исследование показало, что в конгломерате эпидемических фобий неотъемлемая и весомая часть приходится на фобии социально-культурной направленности; они-то и составляют основу мотивации на сохранение привычного образа жизни. Их присутствие в определённой мере объясняет иррациональность поступков и суждений представителей самых разных слоёв общества. Дело в том, что эпидемия и связанные с ней регламентирующие меры нарушили повседневный обиход почти каждого человека, стали причиной множества предписаний и ограничений, сузили бытовые контакты. По мнению опрошенных экспертов, именно вероятность разобщения видится населению как одна из сильнейших угроз. Люди стали бояться очередного карантина не только из-за потери средств к существованию, но и по

причине утраты связей с окружающими. И это при том, что даже в малых российских городах и в сельской местности многие жители активно используют электронные средства связи.

Эпидемия на деле показала, что электронная коммуникация не заменяет живого общения. Причём, как выяснилось, разобщения боятся не только пожилые люди, но и молодёжь, активно использующая компьютерные сети. Многие противились полному переходу на новый режим коммуникации во время эпидемических локдаунов, студенты высказывались против дистанционного обучения, взаимодействия с преподавателями и сокурсниками в сугубо электронном формате. Преподаватели тоже восприняли в штыки требования вузовских администраций соблюдать противоэпидемический режим в аудиториях и общежитиях. Закономерно рождались домыслы, что после обкатки онлайн-методов “живое” обучение якобы исчезнет вообще.

Исследование показало, что особую проблему представляют предрассудки и пропаганда, направленные на обвинение властей в “беспольных”, “слабых” и даже “злонамеренных” действиях. Недоверие к властям зиждется на разных основаниях, часто не связанных с собственно эпидемией, но в обыденном сознании увязывается именно с ней. По выражению одного из экспертов, “людям нравится ругать власть и любые её действия”, и это обывательское свойство неизбежно концентрируется на таком мировом бедствии, как коронавирусная инфекция. Зачастую тема эпидемии — это только повод для претензий и обвинений.

Впрочем, опросы экспертов в разных российских регионах выявили бытование в основном умеренных антивластных фобий, например, о том, что во время эпидемии люди якобы оказались предоставлены сами себе, что власти не желают серьёзно заниматься проблемой, что не видны реальных действий по регулированию ситуации, что не доступны альтернативные вакцины, что власти не контролируют ситуацию и вообще бессильны. Примечательно, что такие фобии иррациональным образом сохраняют устойчивость, хотя меры государственной поддержки широко известны: бесплатное для населения и беспрецедентное по объёму и темпам увеличение медицинской инфраструктуры, различных средств защиты от эпидемии, расширение социальных выплат разным категориям граждан, осуществление государственной помощи наиболее уязвимым регионам, внедрение мер поддержки экономики и частного бизнеса др. Опрошенные эксперты обращают внимание на то, что при обилии средств массовой коммуникации многие люди склонны пользоваться непроверенными сведениями об эпидемии и не интересуются официальными ис-

точниками. Очевидно, что, помимо официальных, необходимо использовать и неформальные каналы информирования населения.

Более жёсткие фобии по отношению к властям распространены не так широко. Но следует обратить внимание на их концентрацию в некоторых регионах, например, в республиках Северного Кавказа и крупных мегаполисах страны, где распространялись мифы о том, что пандемия — это некий манёвр для отвлечения граждан от более серьёзных проблем страны. Не без провокаций через социальные сети эпидемия увязывалась с государственной политикой цифровизации, которая, как иногда утверждается, направлена на тотальный контроль населения.

В связи с периодически вводившимися ограничениями доступа в общественные места распространялись слухи о дискриминации целых общественных групп, в том числе пожилых людей, спекуляции по поводу пропусков, ковид-паспортов, сертификатов о вакцинации, QR-кодов, в которых критики усматривали не ограничительные меры, а способы слежки за жизнью граждан. Фигурировало мнение, что в результате эпидемии “государство всё больше контролирует народ” и неминуемо произойдёт “усиление авторитарных тенденций во власти”. Раскручивалась тема ущемления прав и свобод невакцинированных людей, циркулировали опасения, что эпидемическая дискриминация станет реальной при приёме на работу и продвижении по карьерной лестнице.

Эпидемия усиливала слухи о сокращении доходов, ухудшении условий труда, утраты рабочих мест. Опросы ВЦИОМа выявили усиление в 2021 г. тревожности россиян по поводу снижения доходов, особенно во втором полугодии, в октябре—ноябре, когда 45–48% опрошенных заявили о таких опасениях [12]. По данным исследования, осуществлённого Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН в том же году, вынужденно возросли расходы россиян, причём “каждый пятый указал, что за последний год ему пришлось потратить большую часть сбережений” [13, с. 742].

Опрошенные нами эксперты также указывали, что страх остаться без средств к существованию в связи с инфляцией затронул самые разные слои, прежде всего пенсионеров. С первых месяцев пандемии распространялись слухи о грядущем подорожании и нехватке товаров первой необходимости, включая лекарства, а когда были введены карантинные меры, люди стали бояться, что работодатели, используя ситуацию, урежут с выгодой для себя выплаты работникам, что будут сокращены и оплачиваемые рабочие часы, и рабочие места. Боязнь безработицы, потери дохода, необходимости дорогостоящего лечения, возникновения финансовых проблем, невозможности

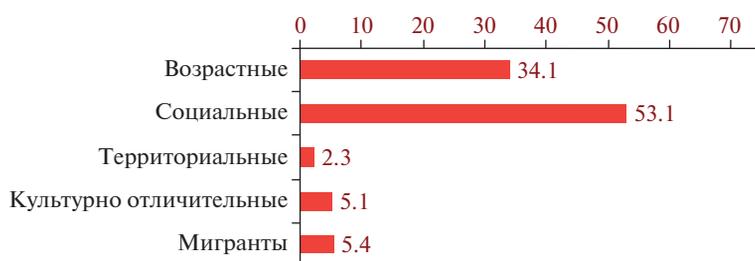

Рис. 3. Группы населения с усилившейся протестной активностью в период пандемии, % опрошенных экспертов, отметивших наличие протестной активности

оплачивать коммунальные услуги стали на период пандемии довольно распространёнными фобиями.

Опрошенные эксперты оценили влияние эпидемии на миграционную активность, занятость и уровень благосостояния населения в своих регионах. Большинство усматривали прежде всего отрицательные последствия, но некоторые указали также и на положительные тенденции, например, на меняющееся в позитивную сторону отношение местных жителей к мигрантам. Некоторые эксперты отмечали возникновение позитивных перемен в сфере занятости, в частности, возможность перехода на гибкий график работы.

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Протестную активность населения в связи с эпидемией эксперты оценили как умеренную. Отметим также, что в ноябре 2021 г. ВЦИОМ фиксировал усугубление протестного потенциала, когда до четверти опрошенных указывали на возможность акций протеста в местах своего проживания, а пятая часть сообщала о личной готовности принимать участие в таких акциях [14]. В рамках нашего исследования половина опрошенных экспертов вообще не усмотрела подобной активности в своих регионах. Другие заявили, что подобная активность есть, её проявляют прежде всего лица определённых форм занятости, оказавшиеся в наиболее уязвимом положении (рис. 3). Эксперты указали на такую категорию протестующих, как непривитые, а также на медицинский персонал, представители которого требовали компенсационных выплат за работу в условиях пандемии. По мнению опрошенных, немало недовольных было среди представителей малого и среднего бизнеса в сфере обслуживания, непродовольственной торговли. В ряде регионов индивидуальные предприниматели вынужденно сворачивали свою деятельность. Хотя протесты в основном сосредоточены в интернет-сетях, имеются и примеры открытых действий. Весной 2020 г. во время локдауна в Северной Осетии митингующие требовали отмены режима самоизо-

ляции; несколько человек, обвинённых в беспорядках, были осуждены.

По наблюдениям экспертов, напряжение под гнётом эпидемии испытывают представители разных возрастных групп населения — и пенсионеры, и молодёжь. Бытовые конфликты происходят в общественных местах — в магазинах, на транспорте, в вузах, в крупных и малых городах. По одному из наблюдений, в Дагестане полиция «штрафовала всех подряд» за нарушение масочного режима, «люди озлоблены» и носят маску только для того, чтобы не получить штраф, а не защитить себя от вируса. Протестную активность в открытой форме в основном проявляла молодёжь и безработные, тогда как основная масса недовольных ограничивалась жалобами в инстанции, анонимными обсуждениями ситуации в социальных сетях и приватном общении. На втором месте по уровню протестной активности — родители школьников, предъявлявшие претензии к администрациям образовательных учреждений и местным властям из-за изменившихся форм обучения и снижения качества образования.

Эксперты указывали на недовольство трудовых мигрантов, которым запрещали приезжать на заработки. К потенциально конфликтным категориям в связи с ограничением передвижения эксперты отнесли и вахтовиков, выезжающих на заработки в восточные и северные регионы страны из других российских регионов. По мнению экспертов, эпидемия не отразилась в явной форме на межэтнических и религиозных отношениях. Вместе с тем деструктивная активность в соцсетях за период пандемии заметно усилилась.

Продолжительность эпидемии породила у людей тревогу о будущем — своём личном, семьи, региона, страны и даже мира в целом. Это, можно сказать, новый социальный феномен. Массовая тревожность продиктована боязнью неопределённости — того, каким будет день завтрашний и что случится через год или два. Хотя произошло некоторое привыкание к эпидемии, всё ещё распространены опасения типа «а вдруг это навсегда» и «к прежней жизни вернуться не удастся».

Циркулируют мнения о том, что “пандемия будет продолжаться многие годы”, что “дистанционное обучение и работа станут основными” и “жизнь перейдёт в онлайн-формат”. Люди обеспокоены здоровьем и будущностью своих детей. Чувство неуверенности убеждает в невозможности строить долгосрочные планы. Охват населения страхами перед будущим представляет собой серьёзный социальный вызов для общества и государства. Если в прежние годы пессимистичные настроения касались текущих трудностей, а будущее внушало оптимизм, то теперь именно будущее нередко представляется как неясная угроза.

Вину за массовые фобии опрошенные эксперты возлагают в первую очередь на социальные сети и средства массовой информации (44.3%). Деятельность федеральных и местных СМИ эксперты охарактеризовали как источник нагнетания обстановки, создания негативного фона, увеличения уровня тревожности. Социальный психолог Т.А. Нестик назвал современные СМИ “фабрикой тревоги” [15]. Деятельность же блогосферы некоторые опрошенные нами эксперты определили как “инструмент формирования недоверия к власти и государству”.

Респонденты отрицательно оценили деятельность ряда политических партий (14.8) и религиозных организаций (9.8%), указывая, что те стали источником антипрививочных настроений, антинаучных представлений о пандемии, своими собраниями ухудшали ситуацию, особенно в первый эпидемический год. В то же время деятельность политических партий и религиозных организаций в период острой фазы пандемии виделась массовой аудитории как слабо позитивная. Эксперты подчёркивали, что в их регионах именно крупные российские конфессии, прежде всего православные и мусульманские общины, стали призывать своих прихожан к вакцинации, вести разъяснительную работу. Созидательную активность проявили волонтерские организации, в инициативном порядке осуществлявшие помощь населению, в особенности пожилым людям и многодетным семьям.

О РОЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Наша позиция заключается в том, что, несмотря на разговоры о кризисе национальных государств и их смене цивилизациями или мировыми правительствами, на горизонте эволюции человеческих сообществ нет более значимой и всеохватной социальной коалиции людей, чем национальные государства, понимаемые как сообщества граждан под одной суверенной властью, обладающие общей идентичностью на основе общего исторического, социального и культурного опыта независимо от расы, этничности и религи-

озной принадлежности. Россия, при всём её историческом своеобразии и культурной сложности гражданской российской нации, относится к крупнейшим нациям мира, характеризуется некоторыми общими закономерностями организации и существования современных государств [16]. Условия пандемии в который раз и очень наглядно показали, что именно государства обеспечивают важнейшие экзистенциальные потребности и права современного человека – от территориально-ресурсного и организационно-хозяйственного жизнеобеспечения до устройства и поддержания социальных институтов, правовых норм общежития, воспитания, просвещения и окультуривания населения через поддерживаемые государством системы.

Государства обеспечивают гражданскую солидарность, предотвращают конфликты и насилие, защищают от внешних угроз и глобальных вызовов. Более того, в условиях таких мировых катаклизмов, как пандемия коронавируса рассуждения о кризисе и исчезновении наций-государств выглядят наивными и саморазрушительными. По мнению британского антрополога Дэвида Геллнера, «события 2020 г. стали мощной демонстрацией того, что упадок наций-государств в век сверхглобализации или так называемого “потепления”... было “очень сильным преувеличением”. По всему миру, с характерными местными отличиями в Северной Америке, Восточной Азии, Скандинавии и Южной Азии, в реальном времени происходит масштабный транснациональный эксперимент в области обществоведения и в реализации разных стратегий разными странами». По мнению учёного, мы проживаем момент радикального исторического поворота, когда перед лицом экзистенциальной угрозы “старые боги неолиберализма летят в печку на сжигание”. Пренебрегая законами рынка, который, как полагали, должен всем и всеми управлять, именно государства берут на себя главную ответственность. В Великобритании, например, “одним росчерком пера было выделено 15 млрд фунтов стерлингов, чтобы решать вызванные COVID-19 проблемы” [17, р. 270, 271]).

Мало что можно добавить к этому заключению, кроме сотен других подобных примеров, которые иллюстрируют возросшую роль государства в период пандемии, в том числе и в России. Тем не менее заслуживают хотя бы краткого перечисления основные направления и формы регулирующего воздействия российского государства в этот период.

Реакция высшего руководства, включая Президента и главу Правительства РФ, была достаточно своевременной, открытой и содержательной, хотя детали по части информирования населения были делегированы профильным членам

правительства. Своевременно был создан Координационный совет при Правительстве РФ по борьбе с распространением коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации. В то же самое время субъектам федерации были предоставлены полномочия самостоятельно определять санитарно-эпидемиологический режим для населения региона и другие меры борьбы с пандемией. Основные усилия и финансовые средства были направлены на сферу медицины, включая разработку и производство вакцин и медицинских препаратов, развёртывание масштабной программы госпитализации и других форм медицинской помощи населению. Несколько сот миллиардов рублей было затрачено на сооружение и перепрофилирование госпиталей и больниц, привлечены возможности военного ведомства к этой работе. Правительство выделило регионам более 7,3 млрд руб. на поддержку поликлиник, около 100 млрд руб. — для ковидных больниц, более 200 млрд руб. — на специальные социальные выплаты медицинским работникам. Были отчислены средства на закупку медицинских препаратов, а также на бесплатные лекарства для больных коронавирусом. Затем вступила в действие программа бесплатной реабилитации больных, перенёвших эту болезнь. К этому следует добавить финансовую и другую поддержку научных учреждений, занятых изучением штаммов коронавируса и изготовлением вакцин. Наконец, по всей стране была организована кампания бесплатной вакцинации населения, а также тестирования, в том числе и на коммерческой основе. Промышленные структуры обеспечили производство и доставку в регионы оборудования и концентраторов кислорода для лечения больных.

С 18 января 2020 г. стартовала массовая прививочная кампания от COVID-19. На начало 2022 г. в стране было вакцинировано около 120 млн граждан. В целом в соответствии с международными стандартами поддерживаемые государством российская медицина и наука успешно справились с вызовами пандемии, о чём свидетельствует динамика заболеваемости, выздоровления и смертности от ковида и его последствий.

Масштабные усилия были предприняты государством в области экономики и обеспечения жизненных потребностей населения страны, преодоления кризисных явлений и минимизации ущерба от эпидемиологических ограничений, сокращения мобильности населения, закрытия ряда предприятий и т.д. Речь идёт прежде всего о налоговых льготах, поддержке малоимущих, моратории на выплату кредитов и субсидий, освобождении от таможенных пошлин и многих других действиях в сфере регулирования хозяйственной деятельности, трудовой занятости, торговли. Общий объём выделенных ресурсов на нужды здравоохранения и экономики исчисляется триллио-

нами рублей, не считая средств и усилий, которые были затрачены бизнес-структурами и институтами гражданского общества (религиозные и общественные организации, волонтерские группы, фонды поддержки и т.д.).

Только государство оказалось способным взять на себя меры по обеспечению общественной безопасности и противодействию пандемии в части международного регулирования с целью установить барьер перед инфекцией из-за рубежа. Это касалось ограничений международного сообщения, особого регулирования зарубежного туризма. Государство реализовало ряд важных мер в области социальной жизни, образовании, культуре, включая бесплатную срочную телефонную связь, заочные формы собраний, дистантные формы обучения в школах и вузах, льготное программное обеспечение гаджетов, новый сервис на порталах государственных услуг и многое другое. Почти 30 млрд руб. выделено на поддержку федеральных учреждений культуры, а также образовательных, научных и медицинских учреждений.

Всё перечисленное позволяет по-новому оценить место и роль современного государства в жизни страны и мира в целом. О возвращении национальных государств на мировую арену на фоне глобальных кризисов, а также кризисов межгосударственных и блоковых образований, о жёстком отстаивании ими национальных интересов и суверенитета, о возвращении национализма в его гражданско-государственной форме писал известный политолог Анатолий Ливен. Он особо отметил значение общественных мотиваций и мобилизации на основе идей нации, обеспечивающих успешность современных государств: «Величайший источник и залог силы государства — не экономика и не размер вооружённых сил, а легитимность в глазах населения и всеобщее признание морального и юридического права государства на власть, на исполнение его законов и установлений, на способность призвать народ к жертвам, будь это налоги или, если понадобится, воинская повинность. Не имеющее легитимности государство обречено на слабость и крах; или же ему придётся прибегать к жёсткости и устанавливать правление на основе страха» [18].

Российское государство с его развитой и многофункциональной системой здравоохранения и фундаментальных научных исследований, обладающее способностью к «дисциплинированию» населения, то есть к проведению политики убеждения, прямого или косвенного предписания поведения институтами и гражданами, в целом проявило себя способным преодолеть столь грозную напасть, как пандемия. Как отметила одна из исследовательниц этой темы, «система мероприятий, осуществлённых государством в период панде-

мии, и жёсткий контроль за их соблюдением убедили большинство населения в преимуществах централизованной административной власти, исторически традиционной для российской политической системы”. Можно согласиться с её общим выводом, что “разрешить проблемы, вызванные развёртыванием пандемии, может только сильное государство, основанное на единстве народа и государственной власти, деятельность которой ориентирована на социальное доверие, обеспечение условий для развития человека” [19].

* * *

Результаты нескольких наших исследований в рамках социально-культурной антропологии позволили дать оценку психологического состояния населения России на фоне первой волны пандемии коронавируса, а также оценить роль культурных факторов в преодолении стресса в условиях возникших ограничений и вызовов на примере 23 стран мира. Полученные данные свидетельствуют о том, что демографические составляющие, включая пол, возраст, семейный статус, а также черты личности играют исключительно важную роль в индивидуальном выборе стратегий поведения в этих условиях. Индивидуальная мобильность и готовность находиться в самоизоляции достоверно зависела от пола и уровня индивидуальной тревожности в период локдауна первой волны коронавируса. Женщины сообщали о более высоком уровне тревожности, чем мужчины, и их дистанции удаления от дома были существенно более короткими. Гендерные различия прослеживались и в отношении фактора, вызывающего наибольший страх. Женщины видели главную опасность для себя и своих близких в самой инфекции, а мужчины — в экономических и финансовых вызовах (страх потери работы, снижение заработка, ограничение возможностей вести и расширять бизнес).

Не менее важными оказались наши выводы в отношении общественных реакций и поведенческих норм, которые получили распространение среди россиян, а также своего рода модель общественных страхов и фобий, которые формировались не только по причине недостаточного уровня просвещённости населения, но и под воздействием чрезвычайной разнородности современных медиа, включая социальные сети, распространителей различных конспирологических и эзотерических взглядов, способствующих возникновению паники. Исследование выявило приверженность наших соотечественников привычному образу жизни, боязнь радикальных перемен, неопределённости будущего, краха социальной защищённости и другие формы коллективных и личностных страхов.

Среди общественных реакций умеренный характер носили протестные проявления, но активно заявили о себе формы коллективной солидарности, особенно в сфере медицины и волонтерской активности. Позитивно проявили себя религиозные и общественные организации, заметно меньше — политические партии, а негативное воздействие на ситуацию оказали средства массовой информации.

Государство проявило себя в период пандемии как ключевой институт общественной мобилизации, как единственная легитимная форма организации и принуждения в чрезвычайных условиях. Именно опыт государственных институтов и ресурсы государства позволили России и другим суверенным государствам эффективно противодействовать пандемии коронавируса, не прерывая решение насущных социальных и экономических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н. и др.* Тревожность и агрессия во время COVID-19: на примере четырёх регионов России // Сибирские исторические исследования. 2022. (в печати)
2. *Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B., Löwe B.* A brief measure for assessing generalized anxiety disorder: the GAD-7 // Archives of internal medicine. 2006. V. 166. № 10. P. 1092–1097.
3. *Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K. et al.* Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // Sustainability. 2021. V. 13. № 4017. P. 1–23. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
4. *Бутовская М.Л., Буркова В.Н.* Стратегии поведения человека и биосоциальная адаптация к стрессу в условиях пандемии COVID-19: кросс-культурный подход // Антропология и этнология: современный взгляд / Отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 463–476.
5. *Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K. et al.* Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave // Sustainability. 2021. V. 13. № 7431. P. 1–35. <https://doi.org/10.3390/su13137431>
6. *Davis M.H.* A multidimensional approach to individual differences in empathy // JSAS Cat. Sel. Doc. Psychol. 1980. № 10. P. 85.
7. *Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д.* Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 202–227.
8. *Hofstede G.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.
9. *Gelfand M.J., Raver J.L., Nishii L. et al.* Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study // Science. 2011. № 332 (6033). P. 1100–1104.
10. *Lu J.G., Jin P., English A.S.* Collectivism predicts mask use during COVID-19 // Proceedings of the National

- Academy of Sciences. 2021. V. 118. № 23. e2021793118. P. 1–8.
<https://doi.org/10.1073/pnas.2021793118>
11. *Мухеев Е.А., Нестик Т.А.* Психологические механизмы инфодемии и отношение личности к дезинформации о COVID-19 в социальных сетях // Социальная и экономическая психология. 2021. № 1. С. 37–64.
 12. ВЦИОМ: Индекс страхов. <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov>
 13. *Горшков М.К., Тюрина И.О.* Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 4. С. 739–754.
 14. ВЦИОМ: Протестный потенциал. <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial>
 15. *Нестик Т.А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Социальная и экономическая психология. 2020. № 2. С. 47–83.
 16. *Тишков В.А.* Национальная идея России. Русский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021.
 17. *Gellner D.N.* The nation-state, class, digital divides and social anthropology // Social anthropology. 2020. V. 28. № 2. P. 270–271.
 18. *Ливен А.* Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 25–42.
 19. *Гаранина О.Д.* Российские реалии в контексте пандемии // Кронос: общественные науки. 2021. № 1 (21). С. 28–31.